

ЧЕГО НЕ БЫЛО В МОЕМ ДЕТСТВЕ

Мне часто советовали написать воспоминания о своем детстве. Но я всегда отмахивалась – что я могу написать о том, чего у меня не было? И действительно я не помню никаких интересных событий, встреч с интересными людьми, друзей, интересные занятия и развлечения - все то, чем заполняются детские годы. «Вот и напиши о том, чего у тебя не было» – пошутил мой родственник. И я поняла, что именно об этом я и смогу и даже должна (!) написать. Во-первых, одно перечисление того, чего не было, может стать темой, а во-вторых, отсутствие привычных атрибутов детства может вызвать удивление и быть откровением для современного молодого поколения. И главное – мне хочется показать читателю, что нет таких трудностей, которые нельзя преодолеть на пути к своей мечте. И как сказал кто-то из великих: «Что нас не убивает, делает нас сильнее».

Я родилась в 1936 г. в городе Батуми в не существующей сейчас Аджарской АССР (тогдашняя ССР Грузия) несуществующего государства СССР. Время рождения - приблизительно 18 апреля (точной даты не помнит никто, т.к. свидетельство о рождении было получено задним числом). Мое детство охватывает три периода – предвоенное, военное и послевоенное, т.е. пришлось на одно из самых трудных для нашей страны времен. Мои родители, Кошелькова Елизавета Григорьевна и Алиев Керар Эвдилович, создали межнациональный брак в лучших традициях «дружбы народов», воспетых в известных фильмах с участием Ладыниной, Орловой и других.

Папа с моим братом

Мама с учениками

Только в жизни все оказалось сложнее и непригляднее. Моя светловолосая и голубоглазая мама пришла не ко двору родителям мужа и его многочисленным родственникам, и они сделали все, чтобы брак распался. Этому способствовало и несчастье, случившееся с первенцем, моим братом Жорой: мальчик в годовалом возрасте заболел менингитом и умер. Отец очень гордился сыном, для него это был сильный удар. В семье начались проблемы... Мама не выдержала придирок и унижений родни мужа и ушла из семьи... Участь одинокой женщины с маленьким ребенком на Кавказе не завидная. И мама смогла найти работу учительницы младших классов лишь в каком-то далеком горном ауле. Преподавать она умела, а главное, как она говорила, умела «держат дисциплину», ведь аульские дети - не лучший контингент, к тому же и с плохим знанием русского языка. Тем не менее, нашелся повод ее уволить и даже отдать под суд. Это было результатом банального приставания директора школы и отказа ему со стороны мамы. Ей было предъявлено абсурдное обвинение в причастности к «врагам народа» за то, что она носила обручальное кольцо. Чудом маме удалось избежать тюрьмы, она покинула аул и воссоединилась со своей русской родней, которая к этому времени осела на Кавказе. Вскоре началась война.

Мои корни

Как русская семья оказалась на Кавказе - ведь мамы родители были родом из Пензенской губернии? Из рассказов мамы я знала, что она родилась в многодетной крестьянской семье, где была старшим ребенком. Ее родители были трудолюбивы и сумели создать крепкое хозяйство с большим домом и огромным яблоневым садом. С ностальгией вспоминала она счастливое босоное детство среди лесов и полей. Но потом была первая мировая война, отец скончался от ранений, а вдова одна с пятерыми детьми управлялась с большим хозяйством. Бабушка Наташа, добрая и не унывающая, пользовалась уважением соседей. Но однажды пришли новые ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ с топорами и вилами и выставили ее с маленькими детьми на улицу без средств к существованию. Мама рассказывала, что даже Калинин, «всесоюзному старосте» писали, и якобы, тот даже распорядился вернуть дом, но ничего не помогло. Добрые люди подсказали, что легче всего прожить на Кавказе. Туда и отправились мои родственники за лучшей долей...

Ко времени нашего прибытия на Кавказ семья поредела. Дяди уже не было в живых, тетя Нина вышла замуж за летчика и уехала с ним в гарнизон где-то под Омском. Детей у них не было, и они взяли девочку из приюта – больную и полуслепую от трахомы. Вылечили и любили как свою собственную. В Азербайджане, куда мы прибыли, оставались две тети. Тетя Лида к этому времени была в разводе с мужем и одна воспитывала двух мальчиков – моих ровесников Женю и Толю. Самая младшая тетя Валя замужем еще не была.

В одном из сел мы поселились в бараке, где занимали одну комнату. Мебели не было, и мы спали на полу вповалку. Готовили на керосинке. Согревались печкой, которую почему-то называли «буржуйкой». Ее топили землей, пропитанной нефтью. От нее оставалось много золы, которую мы, дети, выгребали и потом ходили перепачканные с ног до головы.

Бабушка Наташа присматривала за нами троими, пока взрослые были на работе. Она же укладывала нас вечером спать, а перед этим рассказывала нам страшные истории про мертвеца, вылезающего из гроба. Мы, сидя на крылечке в темноте, тряслись от страха и все теснее прижимались к ее теплым бокам, а потом еще долго не могли заснуть, спрятавшись с головой под одеяло. Взрослые не одобряли эти посиделки, но бабушка ничего другого не знала, а мы снова и снова просили ее рассказать ту же историю. Я любила ходить с бабушкой за топливом в поле. Там было очень тихо, и запах полыни смешивался с запахом нефти. Я до сих пор помню этот запах, летний зной и тихий ленивый звук высоко в небе летящего самолета. Бабушка любила ходить на станцию и иногда брала меня с собой. Пассажирские поезда без остановки пролетали мимо, а я с замиранием сердца провожала взглядом мелькавшие освещенные окна и мечтала когда-нибудь вот так же сидеть в поезде и лететь куда-то в большой красивый город.

Кировабад

Шел первый год войны. Война на Кавказе не чувствовалась, она была где-то далеко - ни бомбежки, ни выстрелов, лишь иногда слышался гул низко летящих самолетов. Вечером свет не зажигали и рано ложились спать. Жили голодно, даже жмых ели. Но хуже всего было то, что не было лекарств, их отправляли в лазареты. Однажды для меня это чуть было не обернулось трагедией. Мы с мамой в то время жили в г. Кировабаде (современная Гянджа, Азербайджан), где нас приютила азербайджанская семья. Деревянный домик на окраине города, удобства во дворе, вода на улице в колонке. В жару ребяташки, оставшись без присмотра взрослых, подолгу плескались в холодной артезианской воде. И однажды вечером у меня поднялась температура. Врач послушал мои легкие и вынес вердикт – двустороннее крупозное воспаление легких. Это был приговор... Меня мог спасти пенициллин, но где его взять? Врач развел руками и, сочувственно глядя на маму, сказал, что до утра я не доживу...

Жар был такой, что я потеряла сознание, и все, что было потом, я узнала намного позже со слов моей мамы. Она была в отчаянии, когда случайно к нам заглянула соседка и что-то ей посоветовала. Мама нагрела кирпич на керосинке и завернула его в мокрое полотенце. Всю ночь она держала меня на руках, прижимая кирпич к моей спине... А наутро я очнулась и... попросила есть.

Первый раз в первый класс

В шесть лет меня отдали в школу. К этому времени я уже умела и читать, и писать, т.к. мама часто брала меня с собой на работу. Я сидела на задней парте и слушала урок. Отстающим детям я тихонько подсказывала ответ, а мама делала вид, что этого не замечает. Но официально я должна была учиться в другом классе у другой учительницы, которая была рада такой подготовленной ученице и не уделяла мне никакого внимания. Мне было скучно, и я мечтала о чем-то своем. Взрослые мало уделяли внимания детям. Они много и тяжело работали, чтобы прокормить нас, обути и одеть. Мама вела класс, где было 40 учеников разных национальностей и разных способностей. РОНО требовало поголовной успеваемости любой ценой. Вот и приходилось учителям после уроков ходить по домам и дополнительно заниматься с нерадивыми учениками, а на своих детей уже не оставалось ни сил, ни времени. Если с чужими детьми требовалось терпеливое обхождение, то со своими не церемонились. Нас воспитывали не по Макаренко и не по Споку, не разрешалось вмешиваться в разговоры взрослых, высказывать свое мнение, а наказывали за любые провинности. В качестве веского аргумента иногда пускалась в ход и бельевая веревка по голой попе. Братьям доставалось за их шалости, а мне за упрямство.

Братья не принимали меня в свою компанию, да и мне было не интересно участвовать в их шалостях. Книг не было, а букварь я знала наизусть. И когда откуда-то появилась «Дочь Монтесумы» (автора не помню), я уже с ней не расставалась. Наверное, были и сказки (кажется, братьев Гримм), но, в основном, я крестиком вышивала какие-то салфетки на пальцах или копировала понравившиеся мне картинки. Мама гордилась моими достижениями и бережно хранила мои рукоделия и рисунки.

Баку

Война кончилась. В маленьком городе была только начальная школа, и мы перебрались в Баку. Там жила наша дальняя родственница с мужем грузинской национальности. Они и приютили нашу большую семью, хотя и сами жили в тесноте. После войны город был залит светом и выглядел нарядно. Особенно мне понравились троллейбусы, которых я раньше никогда не видела. Мы поселились в двухэтажном многоквартирном доме на окраине города. Деревянный дом дышал на ладан. Его задняя стена упиралась в скалу, поэтому комнаты были темными и сырыми. Снаружи к дому на уровне второго этажа была пристроена узкая веранда. Наша комната была на втором этаже, куда мы поднимались по наружной очень скрипучей деревянной лестнице. Особенно трудно было подниматься с ведром воды. Все удобства (колонка с водой и общий туалет) были во дворе, там же мы и играли. Растительности во дворе с каменным полом не было вовсе, и солнце туда заглядывало редко.

Школа находилась в центре города на улице Коммунистическая и считалась одной из лучших. Я с нетерпением ждала начала учебного года и с радостью бежала в школу. Под ногами шуршали желтые и красные кленовые листья, а в воздухе стоял пряный запах опавшей листвы. Обучение было раздельным, и я общалась только с девочками (впоследствии это негативно сказалось на моих непростых взаимоотношениях с партнерами). Мне трудно судить о профессиональных качествах учителей, возможно, они были и не плохие. Во всяком случае с грамотностью по русскому языку у меня все в порядке, чего нельзя сказать о других языках. Азербайджанский был вторым основным языком, но за несколько лет его изучения я так и не научилась ни читать, ни писать, и до сих пор

помню только счет, да и то в пределах десяти. Для многих же он был родным языком, и они, наоборот, не успевали по русскому. Что касается иностранного, то немецкому языку не повезло: его воспринимали как язык врага, и он не пользовался уважением учеников. Его преподавание было односторонним, нас учили грамматике, а разговорный аспект и произношение полностью игнорировались. Учительница даже внушала нам, что этот язык не благозвучный (она говорила – «лающий»), а фильмы про войну, где немцы выкрикивали отрывистые команды, подтверждали ее мнение. Но мне очень нравилось изучать чужой язык, и я преуспела в переводах с немецкого, хотя тексты в учебнике были скучные и в основном колхозной тематики. Забегая вперед, скажу, что в МГУ я была лучшей студенткой в немецкой группе, но разговорной речью с правильным произношением так и не овладела; время, когда дети легко усваивают разговорный язык, было упущено. Поскольку основная часть научной литературы была на английском, я переключилась на изучение английского, и он постепенно вытеснил из памяти немецкий.

Рядом с общеобразовательной школой была и музыкальная. Меня тянуло к ней как магнитом. Звуки фортепианной музыки, доносившиеся из окон, завораживали меня, и однажды я поступила в эту школу. Музыкальную грамоту одолела легко, но дома упражняться было не на чем. Я рисовала на бумаге клавиши и на столе «проигрывала» гаммы и пьесы. Моя изобретательность не помогала, и мама нашла другой выход. Я должна была заниматься с девочкой упражнениями, которые она не любила играть, а после этого мне позволялось разучивать свое задание. Стеснительность мешала мне в полной мере использовать этот шанс, но особенно смущали ароматные запахи плова, доносившиеся из кухни, и я стремилась побыстрее покинуть этот богатый азербайджанский дом, а моя музыкальная карьера постепенно сошла на нет.

Мои родители считались по тем временам образованными людьми. Отец – инженер-мелиоратор, начальник мелиораторской службы одного из районов Азербайджана. Мама – школьная учительница. Меня воспитывала мама, а она окончила курсы учителей, где обучение проходило «бригадным методом» (один из группы отвечал за всех, а остальным просто ставили его оценку). Конечно, ни о какой широте ее знаний говорить не приходилось, в основном она следила за правильностью моего литературного языка, и я постоянно поправляла бабушку. Она не обижалась, но продолжала говорить на своем простонародном языке.

Омск

Мама познакомилась с инспектором школьного образования Александром Александровичем Румянцевым и вскоре вышла за него замуж. Он был намного старше, разведен и имел дочь и сына от первого брака. Остаться в Баку было неудобно, и мама приняла решение уехать в Омск, где жила семья тети Нины. Мой отчим получил работу преподавателя литературы в пригороде Омска в поселке под названием «Московка». Там же учительствовала и моя мама. Отчим был прекрасным человеком и относился ко мне как к дочери, но у него было свое «проклятое» прошлое. Он тщательно скрывал от посторонних, что когда-то был белым офицером, и мы постоянно жили в страхе, что эта тайна может в любое время открыться. Уже много позже я узнала, что дядя Саша воевал в первую мировую на Кавказе, был ранен и имел награды за храбрость. Детская психика не выдерживала такого раздвоения. Воспитанная говорить только правду, я должна была донести на дядю Сашу, но Павлика Морозова из меня не получилось. И я жила в напряжении, что сказывалось и на моих отношениях с отчимом. Он гордился мной и моими отличными успехами, но при этом не мог найти ко мне подхода.

Мы снимали две комнатухи в избе с хлебосольной хозяйкой. У меня, наконец, была своя комната – крохотная, с маленьким оконцем, выходящим в палисадник. Я могла там делать уроки и выходила только к обеденному столу. Хозяйка угощала меня чем-нибудь вкусным, а я взамен рассказывала ей о новостях, прочитанных в газете (мы называли это «политминуткой»). Книг по-прежнему было мало, но среди них попала одна особенная - про Марию и Пьера Кюри. Это было событием, перевернувшим мою жизнь. Теперь я точно знала, что хочу больше всего на свете – быть ученым и делать открытия. Я читала и перечитывала книгу снова и снова, переживая вместе с героями их успехи и неудачи.

Школа в Московке была вечерняя (для рабочей молодежи). Я была самая младшая в классе и

при этом на голову выше остальных по уровню знаний. Поступить в институт после ее окончания было бы проблематично, и меня устроили в городскую школу, где я и проучилась последний год. Добираться туда было непросто. Я вставала в 4 часа утра и шла в валенках по сугробам на станцию. Поезд под названием «кукушка» приходил по расписанию, чтобы забрать рабочих и доставить их в город.

10 класс, с подругой Раей Щипалкиной

Вагоны не отапливались, а поезд шел медленно, с остановками, и я, замерзшая, прибывала в школу к 8-ми часам утра, когда занятия еще не начинались. Уборщица пускала меня в теплое помещение, где я повторяла уроки. Окончила эту школу с золотой медалью и отправилась в столицу поступать в МГУ.

Так закончилось детство и началась моя взрослая самостоятельная жизнь, полная событий – радостных и не очень, но навсегда связанная с учебой и наукой...

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ И УРОКИ ЖИЗНИ

Так получилось, что университетов было два, а уроков жизнь преподнесла мне гораздо больше. Но обо всем по порядку.

МГУ. Географический факультет (1952-1957 гг.)

Я не помню, почему выбрала именно этот факультет – причины были скорее всего романтического плана, и уж точно не были продиктованы практичностью.

В 1952 г. я прибыла из Омска в Москву на поезде. На вокзале встретил друг семьи дядя Валя. Он был в свое время репрессирован и отбывал срок поселения на Кавказе, где и познакомился со своей тезкой, моей младшей тетей Валею. Она-то и попросила его присмотреть за своей шестнадцатилетней племянницей. Дядя Валя отвез меня на квартиру в Измайлово, где он проживал вместе с женой и дочерью в полуподвальном помещении старого дома. Общежитие абитуриентам не полагалось, и до поступления мне нужно было где-то жить. Не хотелось стеснять семью, и на следующий день дядя Валя отвез меня к своей старой знакомой, которая жила в пригороде на железнодорожном полустанке. У Нины Михайловны детей не было, и она с радостью согласилась приютить меня. Уроженка Польши, она в войну оказалась в Москве и осталась тут навсегда. В маленькой комнатухе помещался шкаф с книгами и диван, на котором спала Нина Михайловна. А для меня на ночь сдвигали стулья и клали на них матрас. Это сооружение мы с ней торжественно называли «саркофагом». Дощатый домишко стоял так близко к железнодорожным путям, что, когда поезд проходил мимо, был слышен грохот, а саркофаг сотрясался вместе с домиком. Но я быстро привыкла и не придавала значения этим пустякам; главное не ворочаться, чтобы стулья не разъехались.

Наконец, наступили приемные экзамены, а медалистам нужно было пройти собеседование. Я понимала, что, по сравнению с москвичами, которым были доступны библиотеки, зоопарки, музеи и кинотеатры, я была мало развита. Читала какие-то брошюры для поступающих и переживала. Но собеседование прошло благополучно, я была принята в МГУ, мне дали место в общежитии, и вскоре я туда переехала. В 1952 г. новое здание еще не было готово, и год мы проучились в старом здании на Манеже, а общежитие находилось на Стромынке. Комната была очень большая, в ней помещалось 10 человек. Кроме кроватей и тумбочек ничего не было. Но мы там и не жили, а только ночевали - после занятий сидели в библиотеке, а обедали в столовой.

В следующем году мы перебрались в НОВОЕ ЗДАНИЕ. Оно было великолепно. Всюду мрамор, паркет, зеркала, колонны, люстры. Настоящий дворец, и такой большой, что в нем легко потеряться. Особенно мне, привыкшей к тесноте. Общежитие располагалось в отдельном корпусе, связанным с учебным, переходом по длинному коридору.

Мы жили в блоках из двух комнат с общим душем и санузлом. Каждому полагалась отдельная комната, а соседей выбирали мы сами и селились в женском общежитии с подружками.

Я была одна, когда ко мне подошла незнакомая девушка. Она перевелась из Саратовского университета. Ее звали Нина Кононова. Мы поселились вместе и подружились. Позже Нина защитила кандидатскую диссертацию и стала известным климатологом. Мы поддерживали связь всю жизнь, часто созванивались. В декабре 2020 г. Нины Константиновны Кононовой не стало из-за ковида, с которым она не справилась.

Н.К.Кононова

Ректор МГУ академик Петровский Иван Георгиевич – выдающийся математик и общественный деятель, очень демократичный и высоко интеллигентный человек, уважительно относился к студентам и заботился о каждом. В столовой можно было поесть сытно и недорого, на столах всегда стояли две миски – с хлебом и квашеной капустой, и, когда стипендия заканчивалась, можно было подкрепиться бесплатно. Одна моя сокурсница рассказала, как Иван Георгиевич принял ее по личному вопросу.

Она, студентка третьего курса, пришла к нему в кабинет без всякой предварительной записи. Он встал из-за стола, поздоровался за руку и предложил сесть. Потом сел сам, внимательно выслушал и сразу же подписал нужную бумагу. Когда из-за сильного малокровия меня одолели ячмени, и глаза заплывали так, что я не могла видеть, меня направили в профилакторий, где мне делали уколы витаминов, и я отъедалась на бесплатном усиленном питании. Это было очень кстати, т.к. я была на грани истощения.

Моя неопытность и доверчивость (мама называла меня наивной) сыграли со мной злую шутку. Какая-то девица рассказала мне, что не прошла по конкурсу и теперь ей негде жить, а ей так хочется подготовиться, чтобы поступать на следующий год. Я разрешила ей пожить в своей комнате, а потом мне стало не хватать стипендии, которая буквально испарялась за несколько дней. Мне и в голову не приходило, что ею без зазрения совести пользовалась моя жиличка. И только, когда ее поймали на воровстве, оказалось, что она никуда и не собиралась поступать, а обирала доверчивых студентов.

Смерть Сталина в 1953 г. нас расстроила, но не помню, чтобы я сильно горевала. К тому же я плохо знала Москву и боялась заблудиться, поэтому на прощание с вождем не ходила. Обсуждать политику партии и правительства у нас не было принято. Мы доверяли руководителям, которые старались сделать жизнь народа лучше, в это мы твердо верили. Потом говорили, что была страшная давка, и кто-то из студентов погиб.

Новое здание было не просто дворцом, а городом, в котором можно жить, не выходя на улицу. Кроме учебных аудиторий, лабораторий и библиотек, там были магазины, столовые, почта, аптека, поликлиника, профилакторий, пункт проката спортивного инвентаря, бассейн, всевозможные кружки

и музыкальные классы. У меня глаза разбегались. Лишенная всего в детстве, я хотела наверстать упущенное и записалась сразу в несколько кружков. На художественной гимнастике я долго не задержалась из-за своей плохой физической подготовки. Попытка возобновить музыкальные занятия снова провалились из-за отсутствия инструмента. Знаменитый советский композитор Георгий Васильевич Свиридов сам отбирал учеников в класс фортепианной музыки и оценил мою музыкальность, но техники у меня явно не хватало. Конечно, рояль в музыкальных классах был и не один, но после уроков на них кто-то постоянно тренировался и дожидаться своей очереди я стеснялась. Оставался кружок бальных танцев. Я ощущала себя золушкой во дворце, но не умела танцевать, а тем более на балах. До поры до времени я занималась с увлечением, но вскоре нам объявили, что нужно белое платье для показательных выступлений. У меня не было не то, что белого, но и вообще никакого другого, кроме одного синего в белый горошек, рассчитанного на все время учебы и сшитое мамой на вырост. Из парашютного шелка (списанные парашюты приносил муж тети Нины, работавший на аэродроме) мама сшила мне платье, но оно почему-то не выглядело бальным. У мамы был опыт перешивания из старых перелицованных вещей, но шить бальные платья ей никогда не доводилось. Пришлось покинуть и этот кружок.

Когда подросла зима, я осознала, что не умею кататься ни на лыжах, ни на коньках. В моей детской жизни не было велосипедов (ни трех-, ни двухколесного), а, тем более, лыж и коньков (они и не нужны в жаркой южной стране, где и снега-то мы не видели). С лыжами я освоилась быстро, а вот коньки так и норовили опрокинуть меня на спину. Чтобы не позориться, я вставала в 4 часа утра, когда все еще спали, и отправлялась на каток.

Но главным для нас была учеба, к которой мы подходили очень ответственно и ни под каким видом не пропускали занятия. Мы занимались по группам в зависимости от специализации. На кафедру океанологии брали только мальчиков. География зарубежных стран была недоступна, туда принимали детей особого контингента (ведь это было связано с поездками за границу, а мы были не выездные). Физическая география предполагала в дальнейшем преподавание в школе. Экономическая казалась мне скучной. Моя подруга Нина пошла на метеорологию, но по моим представлениям, это было не интересно (что там в облаках можно открыть?), как и почвоведение (разве могут быть в земле какие-то открытия?). Оставалась картография. Нам говорили, что карты всегда и везде нужны, а, значит, мы будем иметь дело с разными специальностями и творчески их осваивать. Ну, и конечно, я понимала, что путешественники должны уметь картировать открываемые материки и страны. Но на деле все оказалось не так... Лекции читали наряду с известными профессорами (например, Юлиан Глебович Саушкин, известный советский эконом-географ) и менее опытные, приглашенные с производства. В нашей картографической группе особенно ценились именно производственники. Пожилой преподаватель Мирошниченко виртуозно владел рейсфедером и кривоножкой и обучал нас этому ремеслу. Под его рукой на глазах вырастали горы и текли реки. А у нас все получалось криво и косо.

После учебного года летом мы выезжали на практику. Это были радостные события, которых мы ждали с нетерпением. Практика по ботанике в Подмосковье не произвела впечатление. К растениям я была равнодушна и, как ни старалась, не могла запомнить их названия. В памяти остался почему-то только «копытень европейский».

Практиканты

Теодолитная практика в Красновидове

Геодезическая практика по специальности – картирование местности – проходила в Красновидово где-то под Можайском. Село, где мы квартировались, раскинулось на пригорке, а внизу лениво текла Москва-река - совсем мелкая в этом месте. Нагруженные тяжелыми теодолитами и рейками ребята, чтобы успеть до жары добраться до полигона, двинулись через речку вброд. И тут я спохватилась, что забыла в избе какую-то важную деталь. Ждать меня не стали, группа ушла дальше в поле и исчезла из виду. Стоял жаркий день, на

мне был легкий сарафан и соломенная шляпа, украшенная искусственными цветами с завязками под подбородком, чтобы не сдуло ветром.

Было очень тихо, кругом ни души. Я поспешила вдогонку, но где-то посередине реки оступилась и соскользнула в омут. Когда под ногами дна не оказалось, я запаниковала – ведь плавать я совсем не умела. Я отчаянно барахталась, но омут затягивал меня все быстрее, Вскоре я перестала всплывать и медленно опустилась на дно. Помощи ждать было не откуда. Мысленно я просталась с жизнью. Не было ни страха, ни боли. Я сожалела только о том, что мама будет переживать, когда получит телеграмму «Ваша дочь утонула на практике». Вдруг перед глазами заколыхались какие-то водоросли, они вцепились в мою шляпу и потащили меня наверх. Это были детишки восьми-десяти лет, взявшие ни откуда. Сначала они не обращали на меня никакого внимания, думая, что я купаюсь, а когда я перестала всплывать, нырнули и вытащили меня. Я сидела на берегу, а из меня текла вода, смешиваясь с краской от полинявших цветов на шляпе. Ребятишки исчезли также внезапно, как и появились. А я еще долго не могла прийти в себя и не верила, что осталась жива. Это было не первое и далеко не последнее мое чудесное спасение. Но мы тогда были атеистами и все объясняли случайностью. Однако я поняла, что мне необходимо уметь плавать. Казалось бы, я жила в Баку и должна была научиться плавать в Каспийском море. Мама пару раз водила меня в городскую купальню. Там пахло нагретыми на солнце свежеструганными досками и нефтью. Нефть была повсюду, она покрывала воду радужной пленкой, и мы вылезали из моря перемазанные с ног до головы. Говорили, что загородом пляжи чистят от нефти, но туда нужно было долго добираться на троллейбусе и платить за вход. И теперь, сидя на берегу, я уже планировала по возвращении записаться в бассейн и осуществила задуманное, научилась держаться на воде и плавать брассом, но... до сих пор боюсь глубины.

Наконец-то ДИКАЯ ПРИРОДА!

Наконец, на старших курсах нам предстояло отправиться в далекое путешествие. Нужно было только выбрать между Кавказскими и Хибинскими горами. На Кавказе я провела все детство, и эти исхоженные туристами горы меня не привлекали. Другое дело - Север, где не ступала (ну, или почти не ступала) нога человека. Мы прибыли в Хибинские горы на место практики на базе Научной Горной станции Академии Наук СССР у подножья горы с трудно выговариваемым названием.

В большой комнате деревянного барака не было мебели, и мы положили спальные мешки прямо на пол. На утро нашу группу из пяти девушек отправили в маршрут через гору к озеру Малый Вудъявр. Самой крупной и старшей вручили компас и карту. Светило яркое солнце, мы оделись в легкие шаровары и безрукавные майки. Прихватили полотенце, чтобы искупаться в озере. Когда влезли на гору, неожиданно похолодало и откуда-то появился туман, закрывший весь обзор. И тут случилось непредвиденное: компас уронили, и стрелки навсегда исчезли в густых зарослях мха. Карта стала бесполезной, и мы пошли наугад. Мы думали, что достигли цели, но это было обманчивое впечатление, все горы оказались на одно лицо, и озера тоже. Мы кружили и кружили, то спускались в долины, то снова поднимались на горы, а нашего лагеря не было видно. И кругом - никаких поселений. Мы поняли, что заблудились.

Стало смеркаться, и мы сели под елкой, тесно прижавшись друг к другу. Полотенца пригодились, чтобы прикрыть голые плечи, но это не спасало от холода. Ночь прошла в полузабытьи, мерещились то шаги медведя, то крики поисковиков. С рассветом мы снова двинулись в путь, но шли опять наугад. Первой сдалась наша старшая Неля. Она села на камень и отказалась идти дальше. Наши уговоры не помогали, но мы не могли бросить ее и силой поволокли в гору. Прошло еще полдня, надежды на спасение таяли с каждым часом. И снова чудо: мы услышали голоса наших товарищей и изо всех сил принялись кричать в ответ. Скоро нас нашли, ликование спасателей и спасенных не было предела. Нам дали теплую одежду и буханку хлеба, которую мы рвали на куски и поедали с жадностью. Это приключение кончилось благополучно, но послужило уроком и для руководителя практики (нельзя отправлять в самостоятельный маршрут неопытных студентов), и для нас: нужно очень тщательно готовиться к любому походу, с природой шутить нельзя, легкомыслие может обернуться трагедией. Так закончилось мое первое знакомство с дикой природой.

Пчелка

В жизни каждого найдется, наверное, хотя бы один случай, когда жизнь висела на волоске, но кто-то невидимый в последний момент протягивал руку помощи и спасал от неминуемой гибели. У меня таких случаев было несколько. Первый раз я «должна была умереть», когда мне было 5 лет (см. раздел «Кировабад»), затем была описанная выше история с омутом. А еще один случай произошел летом 1955 или 1956 года, когда я приехала на каникулы к маме в г. Мценск. Она предложила мне пойти с ней в ближайшую деревню за медом. Природа Орловской области живописная, и я радовалась короткому отдыху, весело шагая по проселочной дороге. Неожиданно за ухом я что-то почувствовала и прижала ладонь к голове. Острая боль пронзила шею, это была пчела. Буквально через несколько минут я ощутила невероятную слабость и присела на корточки. Мама всполошилась, но я ее успокоила – иди дальше, я немного отдохну и догоню. Но боль не проходила, и мне становилось все хуже. Мама постучалась в ближайшую избу и попросила помощи. Хозяйка уложила меня на диван. Она принесла

одеколон, и мама растирала мне руки, которые болели так, как будто их выкручивало (ревматизм у меня был с детства). Потом я, вероятно, потеряла сознание. Очнувшись, я почувствовала необыкновенную легкость и бодрость, как после длительного освежающего сна, и у меня больше ничего не болело. А мама сказала, что я спала всего 10 минут.

Впоследствии я узнала, что мне повезло, ведь пчелиный яд - сильный аллерген и может стать причиной сильной реакции и даже смерти. Особенно опасны укусы в голову и шею. Не знаю, спасали ли меня в этот раз от смерти или избавляли от ревматизма, но боли в суставах меня больше не беспокоили. А врачи всегда удивлялись, когда я говорила, что излечилась от ревматизма укусом одной пчелы, ведь по медицинским канонам требовалось несколько сеансов с участием большого числа пчел...

Карта

На последнем курсе в качестве дипломной работы нам надо было изготовить карту. Большие листы ватмана мы стелили на полу в рекреации. Сами ложились на пол с разных сторон. Чтобы было удобнее, подкладывали под живот принесенную с собой подушку. И через месяц наших трудов появилась огромная и красивая физическая карта Советского Союза. Ее повесили на самом видном месте в рекреации 19 этажа, и все бегали туда любоваться и дивиться на это наше достижение.

Спустя много лет, 26 апреля 2002 г., мне довелось побывать на «Дне выпускника геофака МГУ». В Актовом зале Главного здания нас, выпускников 1952 г., собралось совсем немного. Мы успели стать бабушками и дедушками, но как-то вдруг помолодели и вспоминали самое радостное, что у нас было. И казалось, что вся наша молодость – это сплошное счастье. Захотелось с головой окунуться в прошлое, и мы на лифте поднялись на 20-й этаж. Сначала мы думали, что ошиблись этажом и вышли где-то не там. Родной этаж был неузнаваем. В полутьме мы, спотыкаясь, продвигались по почерневшему и потрескавшемуся паркету. С трудом отыскивали нашу аудиторию, сели за парты. Они выглядели облезшими и жалобно скрипели, казалось, стонали, изрезанные перочинными ножами. А кабинеты и вовсе стали какими-то маленькими – их разгородили шкафами, за которыми сидели какие-то люди среди груды бумаг. Всюду пыль и заброшенность. Смотреть было нечего, и мы решили полюбоваться нашей картой, которую мы рисовали на пятом курсе в качестве дипломной работы. Наша красавица занимала всю стену в рекреации 19 этажа и была гордостью факультета. Но нас ожидал шок. Со стены смотрело что-то безобразное, выцветшее и исписанное матерными словами. Они были всюду, куда только могли дотянуться руки вандалов... С грустью мы побрели вниз по внутренней лестнице, которую тоже было не узнать, полутемная, заплеванная и замусоренная. На одной площадке стояла группа молодых людей, которые курили и смачно матерились, не обращая на нас никакого внимания...

Наверное, кто-то увидит в этом описании преувеличение, ведь при входе в здание все выглядит вполне парадно, и освещенность хорошая. Возможно, на других факультетах не так уж и плохо, и студенты там могут быть другими. Но тогда, значит, нашему Географическому факультету просто не повезло.

МГУ. Геологический факультет (1960-1964 гг.)

После окончания Комиссия распределяла нас по предприятиям, где нужно было отработать три года. Поскольку я была замужем и ждала ребенка, мне предоставили на выбор два места – быть учительницей географии в одном из сел в Коми АССР или работать в картбюро при Геологическом факультете. Учительствовать я не хотела, зная по маминому опыту что это такое. Я согласилась на картбюро, и после короткого декретного отпуска (тогда полагалось всего 2 месяца), я приступила к работе. Рутинное занятие в картбюро сводилось к рисованию изолиний, и никакого творчества для этого не требовалось. Разве об этом я мечтала? К тому же я делала свою работу не лучшим образом,

моя соседка сноровисто водила кривоножкой и выполняла план, а для меня это было не достижимо, и время не просто тянулось, а стояло на месте. Я отработала положенные три года, и перспектива всю жизнь рисовать карты меня убивала. Я должна была во что бы то ни стало исправить ошибку в выборе специальности. Но как? Снова учиться? Семья мужа (а это была армянская семья) не одобряла моих планов, и я с ребенком осталась одна. Так я повторила судьбу мамы.

Поступить в ВУЗ повторно можно было только с разрешения Министерства высшего образования. Там в кабинетах сидели женщины. Они не принимали всерьез мою просьбу и отказывали в ней, ссылаясь на существующий закон, запрещающий второе высшее образование. Я обошла почти все кабинеты, но не могла остановиться и шла снова в надежде на удачу. И судьба сжалилась надо мной. Один человек (это был мужчина, к сожалению, забыла его фамилию) проявил ко мне сочувствие и согласился дать разрешение на вечернее отделение Геологического факультета. Но на какой курс – первый или сразу на третий? У меня было заготовлено два заявления на оба случая, но я протянула второе. И снова удача, он его принял без возражений.

Зато в деканате засомневались, что я смогу сдать экзамены по предметам, которых не было на Географическом факультете (общие предметы мне зачли). Они были уверены, что я не справлюсь с этим в течение семестра и меня отчислят с третьего курса. Но я сразу же взяла на работе очередной отпуск, засела за учебники и лабораторные задания по общей химии и в течение месяца принесла в деканат все отрывные листки.

Студентка 3-го курса

Такого в их практике еще не было, и они вынуждены были оставить меня на третьем курсе. Практика на вечернем отделении заменялась работой в экспедициях. Мы сами находили какую-нибудь экспедицию, и нас охотно брали на лето на мало оплачиваемую должность рабочего или коллектора (но мы были рады и этому). В экспедициях, оказавшись на свободе, народ преображался. В лагере царила романтика. Даже после трудных маршрутов надолго засиживались у костра, пели под гитару. Я не знала всех слов, но тоже подпевала. Это были счастливые времена когда

забываешь про жизненные невзгоды и мечтаешь о чем-то несбыточном. Особенно комфортно проходила кавказская экспедиция в живописных поросших лесом горах. Состав экспедиции был в основном молодежный. И руководитель Анатолий Ракчеев был ненамного старше

нас. У него был веселый нрав, и он любил шутить. Когда на костре попевала супо-каша, он накладывал себе в миску и жизнерадостно приговаривал «Замечательный кулеш – как поешь, так околешь».

Однажды к нам лагерь пришел мужичок кавказской внешности, сказал, что идет к своему брату на яйлы (высокогорные пастбища) и попросился немного поработать у нас. Анатолий согласился – рабочих рук всегда не хватало. И на следующий день отправил меня в маршрут в сопровождении этого опытного рабочего. Я заподозрила неладное, когда поняла, что мужчина совсем не знает местности, а ручьи обходит по склону, и этим тормозит наше продвижение. Так и получилось, что мы не успели до захода солнца вернуться в лагерь и заночевали в лесу. В темноте наломали еловых веток для постели. Поджечь отсыревшие дрова мне никак удавалось, а спички были на исходе. И вдруг мужчина снял пиджак, и нецензурно ругаясь, вытянул из-под бинтов вату и разжег костер. Я поняла, что он был ранен и испугалась. Но он, не обращая на меня внимание, улегся на подстилку и заснул. Это была тревожная ночь. Из ущелья тянуло холодом, и я поворачивалась к костру то одним, то другим боком. С рассветом мы двинулись в лагерь. Там уже подняли тревогу и собирались идти на поиски. А днем к нам пришли милиционеры и арестовали мужчину. Оказалось, что он в драке убил односельчанина и

хотел у нас спрятаться. Я чудом избежала трагедии, и Толя меня больше не пускал в маршруты, а посадил «на камералку».

Я и река Вилюй

Экспедиция в Якутию также была не простым для меня испытанием. Геологи улетели раньше, а я задержалась и потом добиралась самостоятельно. Самолетом до Красноярска я долетела, но на Нюрбу регулярных рейсов не было. Пришлось ждать пару дней. Наконец, я добралась и до Нюрбы. Это был небольшой поселок с деревянными домишками и деревянными тротуарами на вечной мерзлоте. Летом мерзлота оттаивала и доски хлюпали под ногами. Дальше я как-то добралась до нашего лагеря на берегу реки Марха, притока Вилюя. Кругом была глухая тайга. В маршрут меня отправили в одиночку – опять сказывалась нехватка рабочих рук. Я не боялась тайги. Нагретые на солнце сосны пахли смолой, полянки были усеяны земляникой. Задание я выполнила и возвращалась в лагерь по графику. Но на обратном пути встретился бурелом. Перебираясь через поваленные деревья, я повредила

ногу. Идти быстро не могла и вышла к реке уже в темноте. В лагере волновались и встретили меня бурной радостью. А я подумала, что уж слишком часто я доставляю радость своим коллегам и начальникам.

Экспедиции требуют хорошего здоровья и большой физической выносливости, особенно когда приходится таскать тяжелые рюкзаки с камнями. И хотя мы воспитывались в традициях равенства полов, все же профессия геолога больше подходит мужчине. Кроме того, со временем появляется проблема с детьми. У меня она однажды чуть не закончилась трагедией. Когда я собиралась в экспедицию на Урал, моему сыну Саше было уже пять лет.

Подростков детишек часто брали с собой, это не воспрещалось и начальство закрывало на это глаза. В этот раз я оставалась в лагере, рисовала карту, и Сашенька всегда был при мне. Но однажды ночью он стал тяжело дышать. Я вынесла его из палатки и держала на руках до тех пор, пока он не перестал задыхаться. Когда на следующую ночь все повторилось, начальник лагеря дал мне машину, и меня с сыном отвезли в районную больницу в Миассе. Там врачи обследовали мальчика и... ничего не нашли. На следующую ночь в больнице приступа не было. И тут одна пожилая врач задала мне странный вопрос – нет ли у нас в лагере кошки. Я ответила отрицательно, но не поняла вопроса. Я не могла рисковать здоровьем ребенка, и мы уехали в Москву. С тех пор у Саши никогда подобных приступов не было, хотя кошки у нас дома всегда были. И только позже, когда я узнала про аллергию, я подумала, что врач была близка к разгадке: причиной приступов могла стать кошма, на которой мы спали в палатке. А я в который раз задумалась над выбором профессии.

Учиться и работать, конечно, было не просто. А еще воспитывать ребенка, хотя он был в детском саду на продленке. Из-за постоянных недосыпов вечерние лекции давались с трудом. Иногда я проваливалась в сон, но училась упорно, и за четыре года (вместо шести) я закончила Геологический факультет по специальности «геохимия».

Вместо заключения

Университетские годы закончились. Далее – аспирантура (1964-1967 гг.), кандидатская диссертация, и, наконец, докторская защита. Моя дальнейшая жизнь тесно связана с Институтом Кристаллографии, где я осталась работать после окончания аспирантуры и где работаю по сей день. Об этом периоде можно прочитать в разделе *«Популярная минералогия»* (статьи *«Минералогия в физическом институте»*, *«Фамильные минералы нашего института»*). Мне повезло встретиться и работать со многими замечательными людьми (воспоминания о них см. в разделе *«Мои соавторы»*).

Впечатления о встрече с В.А.Франк-Каменецким и связанной с ним защите докторской диссертации я описала в статье «Об одной встрече, изменившей мою жизнь»*. Вот выдержка из этих воспоминаний.

«Лето 1991 г. запомнилось мне на всю жизнь. Я в поезде Москва-Ленинград, еду в Ленинградский государственный университет на защиту своей докторской диссертации. К этому событию я шла долгие годы. Что ждет меня – успех или провал? Под стук колес перед глазами проплывают картины прошлого. После 19 лет в должности младшего научного сотрудника я получила, наконец, должность научного сотрудника, а возраст у меня уже предпенсионный.

Сейчас это кажется невероятным (уже через год после защиты кандидатской диссертации дают должность научного, а через 2-3 года старшего научного сотрудника), но тогда это был не такой уж редкий случай. Другое дело, что выходить на защиту докторской в должности научного сотрудника было не принято. Однако у меня единственный способ заявить о себе в той ситуации – была защита докторской.

С Виктором Альбертовичем мы не были лично знакомы. Наши пути не пересекались. Он профессор в Ленинграде, известный ученый в Советском Союзе и во всем мире, выдающийся специалист в области рентгенографии глинистых минералов, автор ряда монографий, член нескольких отечественных и международных Советов и Комиссий и так далее, а я - скромный сотрудник Института кристаллографии в Москве. И видела я его лишь однажды, когда он приехал в ИГЕМ на заседание в честь юбилея легендарной Ирины Дмитриевны Борнеман-Старынкевич, возглавлявшей Центральную химическую лабораторию. Виктор Альбертович тогда поделился воспоминаниями о своих студенческих занятиях под руководством Ирины Дмитриевны и восхищался ее простотой и демократичностью по отношению к студентам.

Моя защита была назначена на 30 мая, последнее перед каникулами заседание Ученого совета. Я волновалась, т.к. знала, что требования на Специализированном диссертационном совете, возглавляемом В.А. Франк-Каменецким, очень высоки. Я лично знала коллегу, диссертация которого была отклонена советом. Профессор Виктор Альбертович был моим первым оппонентом (вторым был Станислав Борисов из Новосибирска). Он встретил меня на Геологическом факультете теплым дружеским рукопожатием, пригласил в свой кабинет. Скромная обстановка небольшого кабинета, сел напротив меня, ободряюще улыбнулся. И тут я, сама, не зная почему, стала рассказывать ему про свои трудности и сомнения. Он успокоил: «У Вас большая добротная диссертация, с защитой будет все в порядке».

Сама защита прошла на подъеме. Я впервые докладывала для аудитории, которая не только понимала меня, но и живо интересовалась структурами минералов. Это вдохновляло, и я готова была отвечать на все вопросы, которые сыпались на меня. Потом кафедра пригласила меня к столу, как почетного гостя... Потом я бегу на вокзал. Меня сопровождает один из кафедральных мальчиков. Кто-то на ходу вручает мне пакет с пирожками, которые испекла чья-то мама мне в дорогу. Я опаздываю на поезд и, перепрыгивая через лужи после сильного дождя на привокзальной площади, еле поспеваю за мальчиком, который нагружен моей тяжелой сумкой.

На платформе поезда не видно. Неужели уже ушел? Оказывается, его еще и не подавали. Опять везенье!

И вот снова поезд, но теперь Ленинград-Москва, а я теперь совсем другой человек... Больше нет комплекса неполноценности – ведь меня оценил сам Виктор Альбертович. В Институте мои работы уже заметили и на меня смотрели по-иному – ведь я защитилась в престижном ВУЗе и под покровительством самого Франк-Каменецкого. Быстро нашлась ставка старшего, через 5 лет – ведущего, а еще через 8 лет – главного научного сотрудника.

*«Виктор Альбертович Франк-Каменецкий. К 100-летию со дня рождения». Кристаллографический альманах, из-во Санкт-Петербургского университета. 2016. с. 62-64

И сейчас, когда в статье «Минералогия в физическом институте» (см. раздел «Популярная минералогия») я писала о триумфальном шествии структурной минералогии в стенах Института кристаллографии РАН с момента его зарождения и до наших дней, я не кривила душой. Что бы там ни было, но мне не очень мешали работать. А это главное. К тому же помог счастливый случай, и этот судьбоносный случай – встреча с Виктором Альбертовичем Франк-Каменецким».

Я – третий доктор наук в лаборатории рентгеноструктурного анализа, 1995 г.